

Йосси Гольдман с семьей, декабрь 2021 года

*Посвящается Джуди,
Моей эшет хаиль, спутнице жизни и истинной любви*

Нашим замечательным детям:

Йонит и Эрецу

Эйялю и Рони

Ронену и Сиван

Ависару и Лимор

Нашим изумительным внукам:

*Иден, Ярден, Иехеле, Арану, Нине, Рафаэлю, Анне,
Хили, Геффену, Каме*

И грядущим поколениям

10 лет, которые изменили мир

Очень часто, когда я говорю о работе, я, не задумываясь, до сих пор произношу: «Гилель». Бренд «Гилель» записался на моей подкорке, остался в моем подсознании, стал неотъемлемой частью моей жизни.

В 1990-е годы «Гилель», по словам одной из участниц первого гилелевского семинара в январе 1995 года, был «островком мира в стрессовой ситуации», местом, где люди могли почувствовать себя защищенными. Для многих это был серьезный момент самоидентификации с еврейством. Для тысяч студентов бывшего Советского Союза «Гилель» стал теплым и гостеприимным еврейским домом, а иудаизм стал частью их жизни.

В «Гилеле» было много возможностей для самовыражения и самореализации. При этом каждый студент мог не только что-то получить для себя, но и отдать другим, поделиться. Ребята ездили в регионы и приносили еврейские радости, смыслы и праздники в отдаленные общины, проводя пасхальные седеры, шаббаты, осенние праздники. Мы тогда как бы дорвались до запретного плода. Мы могли все: мы чувствовали, что можем изменить мир к лучшему, и мы делали это со всем энтузиазмом и любовью.

Мне вспоминается история, когда в середине 1990-х годов к нам в офис зашел человек и рассказал, что он приехал из Якутска, где проработал несколько лет, а теперь возвращается домой. В Якутске была маленькая еврейская община, и некому было провести пасхальный седер. Наш гость, пожелавший остаться неизвестным, заплатил за поездку студентов, дал деньги на приобретение мацы и кошерного сока, для того чтобы в тот год в якутской общине был пасхальный седер.

И я благодарна судьбе за то, что когда-то встретила Йосси Гольдмана и Йонатана Пората. Эти 10 лет изменили мою жизнь и, хочется верить, жизни многих тысяч еврейских студентов и их семей. «Гилель» внес неоценимый вклад в возрождение еврейской жизни на территории бывшего Советского Союза. Спасибо вам, Йосси, за ваше видение и помощь в строительстве еврейского будущего для многих из нас!

Женя Михалева, директор-основатель «Гилеля» в Москве

Прежде всего, хочу сказать, что для меня, как основателя «Гилеля» в Киеве и Украине, большая честь быть участником событий, описанных в этой действительно исторической книге. Когда я впервые встретился с рабби Йосси Гольдманом более 25 лет назад и он поведал мне о своей идее создания «Гилеля» в СНГ, я подумал, что он большой фантазер и мечтатель. Но, к великому счастью для нас всех, он с огромным успехом воплотил свою большую мечту и сделал ее живым свидетельством и прекрасной реальностью. «Гилель» в СНГ повлиял и продолжает влиять на десятки тысяч еврейских студентов и молодых людей в бывшем Советском Союзе. Многие мужчины и женщины, которые, возможно, никогда бы не встретили друг друга, познакомились в «Гилеле». «Гилель» кардинально изменил жизни большого количества людей, в том числе и мою. Студенты «Гилеля» в странах СНГ — и выпускники, и те, кто активен в «Гилеле» сейчас, — невероятно благодарны рабби Йосси Гольдману за его выдающийся труд и, конечно же, за то, что он открыл эту невероятную страницу еврейской истории всему миру.

Я уверен, что эта книга вызовет огромный интерес у молодежи.

Иосиф Аксельруд, региональный директор «Гилель»

Строители

В Иерусалимском Талмуде сказано: «Неблагодарный подобен еретик». Рав Стайплет в «Биркат Перец» пишет: когда мудрецы наши заявляют, что нельзя проявлять снисхождение к лишенному мудрости, они имеют в виду, что нельзя проявлять снисхождение к человеку, настолько лишенному здравого смысла, что он неспособен испытывать признательность. Эти вступительные слова я пишу, чтобы подчеркнуть, сколь многим я лично и движение «Гилель» в целом обязаны самым разным людям, без которых успех «Гилеля» в бывшем СССР оказался бы невозможным. Упомянуть стоило бы очень многих, и на последующих страницах я постараюсь воздать должное каждому. Однако особо среди этих людей выделяются те, чьими усилиями и самоотверженностью в первые десять лет нашей деятельности были заложены ее основы. Это — строители, создавшие организационную структуру «Гилеля», и без их помощи мы не смогли бы расти и развиваться. Я передаю им свой привет и выражаю свою благодарность, а также прошу прощения за то, что слов моих недостаточно, чтобы полностью воздать должное за неоценимый вклад в наше дело.

Одним из основных партнеров по нашей работе в странах бывшего СССР стал Американский еврейский распределительный комитет («Джойнт»). Рабби Джонатан Порат, сотрудник «Джойнта», который отвечал за образовательные программы и работу со студентами, был моим ключевым соратником при создании «Гилеля» в бывшем СССР. Вклад Джонатана, его усилия, советы и дружбу трудно переоценить. Джонатан — настоящий герой еврейского народа, а кроме того, мой дорогой друг; свою профессиональную жизнь он почти полностью посвятил еврей-

ству. Успех «Гилеля» в бывшем СССР и его вклад в возрождение еврейской жизни были бы невозможны без мудрости, наставничества и самоотверженности Пората. В первые шесть самых сложных лет создания и развития нашей организации не проходило и дня, чтобы мы с Джонатаном не созвонились или не встретились и не обсудили стоявшие перед нами задачи. История «Гилеля» в бывшем СССР напрямую связана с самоотверженной и богоугодной деятельностью Джонатана. Мало на свете людей, обладающих тем же масштабом личности, цельностью и целеустремленностью; участие, дружба и любовь Джонатана и по сей день осеняют собой еврейский народ, «Гилель» и меня лично.

Ричард Джоель, в 1989–2003 годах являвшийся президентом «Гилеля» и директором по международным программам, — выдающийся лидер, который превратил наше движение в работоспособную, активную организацию, способную серьезным образом изменять жизни людей. Блистательный мыслитель и стратег, он вложил весь пыл своей души в возрождение еврейской жизни в бывшем СССР, первым поддержал нас и воодушевил. Годы деятельности Ричарда в «Гилеле» стали годами возникновения и становления организации в бывшем СССР. Его руководство и наставничество во многом способствовали нашему успеху.

С первых же дней нашей работы в бывшем СССР нам очень повезло с преданными своему делу сотрудниками на местах. Благодаря Жене Михалевой, Осикю (Йосефу) Аксельруду и другим нашим коллегам мы смогли за эти годы внести весомый вклад в возрождение еврейской жизни в этой части света. Женя в Москве, а Осик в Киеве постоянно пестовали наше движение, в результате чего отделения «Гилеля» появились в 27 общинах бывшего СССР. С годами эти люди превратились в пример для подражания для тысяч молодых евреев и членов их семей. Нельзя не отметить их преданность своему делу, лидерские качества, трудолюбие.

Наши коллеги из России любят цитировать корифеев русской литературы. Хотя И. В. Сталина и не назовешь литератором, Осик часто повторял его слова: «Кадры решают все». Сталин был отвратительной личностью и ненавидел евреев, однако в одном

оказался прав: надежные сотрудники — залог успеха любого предприятия.

За первые два десятилетия нашей деятельности двое наших иерусалимских сотрудников внесли неоценимый вклад в развитие «Гилея» в бывшем СССР. Им было поручено разработать, спланировать и внедрить систему просветительской работы, которая обусловила особые свойства «Гилея» в бывшем СССР и одновременно стала откликом на потребности всей новорожденной еврейской общины, постепенно нащупывавшей свое место в еврейском мире. Рабби Давид Эбстайн, выпускник Еврейской теологической семинарии, и рабби доктор Нахум Амсель, выпускник Йешива-университета, перебрались в Израиль после многих лет деятельности на посту раввинов в США. Оба подарили студентам из бывшего СССР свое рвение, глубокие познания и музыкальные таланты. Где бы они ни оказывались, они сразу принимались учить студентов думать, петь, танцевать, праздновать по-еврейски.

Кто-то когда-то сказал, что многие изучают историю, некоторые пишут про историю, но творить историю суждено лишь избранным.

Для меня было *зехутом*, особой привилегией сотрудничать с такими выдающимися людьми и вместе с ними строить будущее нашего народа в бывшем СССР.

Краткая историческая справка

На территории, известной сегодня как «бывший СССР», евреи с давних времен подвергались гонениям и преследованиям, что, впрочем, уравнивается столь же долгой историей их достижений и триумфов. История деятельности «Гилеля» в бывшем СССР — микрокосм этой их истории.

Притом что на первый взгляд в 1994 году «Гилель» начал в Москве с нуля, на деле все зародилось гораздо раньше. Всю советскую эпоху зерна иудаизма лежали под спудом, однако, безусловно, сохранялись в почве и ждали подходящего момента, чтобы дать побеги и расцвести.

Откуда взялись эти зерна? И почему они столько лет не прорастали? Чтобы более или менее правильно оценить положение постсоветского еврейства, нужно обрисовать общую картину истории российских евреев в современную эпоху.

В период существования Российской империи евреи по большей части проживали в черте оседлости — на территории, куда входили часть Украины, Белоруссия, Молдавия, Литва и Польша. В российских городах евреев было немного.

К концу XIX века условия жизни российской бедноты сильно ухудшились, и широкое распространение получили революционные идеи. Жизнь была тяжелой, политическая активность постепенно нарастала. 13 марта 1881 года революционеры-народовольцы убили императора Александра II. Как это часто бывает, козлами отпущения правительство назначило евреев, населению был дан сигнал свалить на них вину за беспорядки в стране. Пресса безнаказанно развернула антисемитскую кампанию.

Накал страстей привел к погромам во многих больших и малых городах. К 1884 году погромы удалось остановить, однако к этому времени правительство успело внедрить систему дискриминации и уничтожения евреев. Законодательные акты, такие как Майские правила 1882 года, вводившие квоту на прием студентов-евреев в высшие учебные заведения, и изгнание евреев из Москвы в 1891 году стали для евреев красноречивыми напоминаниями о том, что они не являются полноправными членами российского общества. Глава Святейшего Синода (министерства по делам религий) выразил надежду, что «треть евреев обратится, треть эмигрирует, а остальные умрут от голода».

Гонения имели различные последствия. Одним из откликов на постоянную дискриминацию и неустроенность стала массовая эмиграция, прежде всего в США. С 1882 по 1914 год Россию покинуло около двух миллионов евреев. Впрочем, после такого солидного оттока еврейское население не уменьшилось — высокая рождаемость среди оставшихся компенсировала число уехавших.

Еще одной реакцией на усилившиеся гонения на еврейскую общину стало возрождение еврейского национализма. До того многие молодые евреи выбирали для себя путь ассимиляции, стремясь влиться в российское общество, однако их ошеломило то, что соседи внезапно начали применять против них насилие. Понимая, что ассимиляция не спасет их от общества, которое преследует их с таким упорством, многие решили не прятать свою еврейскую идентичность, а культивировать ее.

В то же время все большее влияние приобретали революционные партии — благодаря им брожение продолжалось по всей империи. В самом начале XX века, точно так же как и двадцатью годами раньше, после событий 1880-х годов, правительство, в попытках отвести от себя гнев народных масс, вновь дало прессе зеленый свет — пусть обвинит в политической нестабильности евреев. Первым результатом такого науськивания стал Кишиневский погром, случившийся на Песах 1903 года — сорок пять человек погибли, сотни пострадали, полторы тысячи еврейских домов и лавок были разграблены. Еврейская община отреа-

гировала, в частности, созданием отрядов самообороны, членами которых стали по преимуществу активисты из сионистских или бундистских (социалистических) организаций.

В конце октября 1905 года император издал манифест, в котором обещал населению гражданские права, а также создание парламента (Думы). Население, включая и евреев, отреагировало восторженно, однако к началу ноября празднования переросли в новые погромы. Самый кровавый произошел в Одессе — погибло 300 человек, пострадавшие исчислялись тысячами. Всего погромами оказалось затронуто 64 населенных пункта, жизни лишились 800 евреев. Впоследствии было доказано, что памфлеты с призывами к погромам были напечатаны тайной полицией, а полиция и армия преступным образом самоустранились и не стали защищать евреев от нападающих.

Первая и вторая волны погромов, в 1880-е и в начале 1900-х годов, повлекли за собой национальное пробуждение российских евреев. Были созданы еврейские отряды самообороны, в качестве радикального решения многие выступали за эмиграцию, как в США — страну безграничных возможностей, так и в Эрец-Исраэль для воплощения сионистской мечты.

В советский период (1917–1991) на еврейские общины обрушились всевозможные беды. Официальной идеологией в СССР был атеизм, отправление религиозных обрядов считалось вредным, а порой и наказуемым. Ленин не считал нужным признавать евреев отдельной национальностью, Сталин указывал на отсутствие у них единого языка, территории и экономики, — это считалось основаниями для отказа в признании их самостоятельной национальностью. Сионистская деятельность находилась под запретом, религия тоже. Евреев считали «народом», а не национальностью, что принижало их статус и роль в экономике. Пометка «еврей» в паспорте появилась в 1932 году. На многие годы она стала волчьим билетом для своего обладателя.

Реорганизация экономики в 1920-е годы, в результате которой был полностью истреблен средний класс, превратила множество евреев в нищих. В попытке улучшить экономическое положение масс и удовлетворить чаяния националистов в 1934 году совет-

ское правительство объявило о создании на Дальнем Востоке Еврейской автономной области со столицей в Биробиджане и идишем как официальным языком. Но уже в 1936 году еврейское руководство Биробиджана было распущено, а еврейский характер области сведен практически к нулю.

С началом Второй мировой войны СССР и нацистская Германия подписали пакт о ненападении, однако в 1941 году Германия нарушила его и внезапно напала на СССР. Тут же началось истребление евреев. В СССР, в отличие от Западной Европы, нацисты не сдерживались, поскольку их не волновала реакция местного населения. Уничтожение евреев происходило стремительно. Создавались гетто, но они становились лишь временными пунктами содержания еврейской рабочей силы, которую впоследствии убивали. Зачастую массовые казни проходили прямо на окраинах больших и малых городов, например в Бабьем Яру под Киевом. Многих советских евреев депортировали в лагеря смерти в Польшу. До войны на оккупированной немцами территории проживало четыре миллиона евреев. Из них погибло около трех миллионов; из тех, кто попал под оккупацию, не выжил почти никто.

В годы Второй мировой войны процент бойцов-евреев, служивших в советской армии и погибших, был чрезвычайно высок. Еврейские общины Москвы и Ленинграда пострадали несильно, а вот украинские — особенно киевская — исчезли почти полностью. Сразу после войны Сталин возобновил свои усилия по уничтожению еврейской национальной жизни. Некоторые историки считают, что только смерть Сталина в 1953 году спасла евреев от крайне масштабных, фактически беспрецедентных преследований.

К 1960-м годам большинство советских евреев перебралось в большие города, особенно в РСФСР — в городах был выше уровень модернизации, больше возможностей для получения образования и для профессиональной самореализации. Еврейская культура и религия оставались в тени, хотя в страну тайно ввозили еврейские книги и предметы культа. Большинство евреев не имело доступа к этой контрабанде. Те, которые все-таки

участвовали в еврейском движении, нередко становились отказниками: их преследовали, часто арестовывали, отказывали в праве покинуть страну.

К 1970-м годам евреи стали самой образованной нацией СССР. Еврейское население больших городов росло, усиливалось его участие в ключевых секторах экономики и культуры. Типичные советские евреи, представители среднего класса, все больше ассимилировались, уходили от еврейских ценностей к ценностям и стилю жизни среднего класса.

В 1960–1970-е годы альтернативным способом реализации еврейского самосознания стала алия. Советские евреи предпочитали книги на иврите (официально им недоступные) и иврит, несмотря на советские представления о том, что еврейским этническим наследием является идиш. Идиш и Биробиджан считались «мертвяками», неспособными соперничать в притягательности с Израилем и не отвечающими потребностям этнического пробуждения высокообразованного и культурного советского еврейского населения. Сионизм представлялся альтернативой, свободной от советского наследия и привязки к государству.

В конце 1960-х годов советскому режиму пришлось бороться со стремлением евреев к эмиграции — сначала в Израиль, а потом в США. У государства не было продуманной политики относительно евреев, оно занималось манипуляторством, не заглядывая далеко вперед: с вопросами воссоединения семьи, активистами алии и индивидуальными заявлениями на выезд разбирались в индивидуальном порядке; речь не шла о работе с еврейским населением в целом.

К концу 1980-х годов религия стала важным инструментом проявления непокорства, особенно в среде отказников. Они пытались жить еврейской жизнью, отдельной от советского общества: создавали небольшие еврейские общины, пытались вести в них деятельность с помощью собратьев с Запада. Религия представлялась им выразительным антикоммунистическим жестом, одним из способов заявить о своей оппозиции правительству и коммунистической идеологии. Однако после падения коммунизма религия быстро утратила привлекательность. Когда

синагоги открылись официально, евреев, желающих их посетить, оказалось немного, — возможно, потому что теперь их посещение не воспринималось как акт неповиновения.

После краха СССР были восстановлены свобода слова, печати и вероисповедания. Однако до того евреев притесняли на протяжении жизни двух поколений, и теперь им почти нечего было выражать. И вообще, каково значение слова «еврей», записанного у них в паспортах? Как молодой еврей, житель бывшего СССР, мог вдохнуть в это слово жизнь, наполнить его личным смыслом?

1

Зарождение

Тьма перед рассветом

Погожим весенним утром 1988 года двадцатидвухлетняя студентка-отличница Московского государственного университета Женья Михалева пришла на встречу со своим научным руководителем. Эта встреча перевернула ее жизнь.

Женины родители были евреями, но она, как и большинство ее сверстников, выросла в светском русском окружении, ни разу в жизни не бывала в синагоге, не справляла еврейских праздников. Израиль значил для нее не больше, чем Индия. Еврейство для нее начиналось и заканчивалось словом «еврейка», записанным в ее документах. Официально она считалась еврейкой, сама же себя воспринимала как молодую русскую интеллигентку, будущего ученого.

Женья не сомневалась, что сможет поступить в аспирантуру. Она получила диплом с отличием и полагала, что научная карьера для нее гарантирована.

Планы ее разбились в то роковое утро, все ее мечты уничтожила холодная и суровая реальность советского антисемитизма. Научный руководитель сообщил Жене: с ее стороны наглость вообще подавать документы в аспирантуру. «Невозможно, — сказал он ей, — чтобы еврейка смогла полностью оценить богатство и глубину русской литературы. Пушкин, Достоевский и другие великие русские писатели и поэты совершенно недоступны пониманию евреев, которые были и навсегда останутся здесь чужаками».

Женино заявление в аспирантуру не приняли. Университетское образование оказалось ей доступно лишь до определенного уровня. Ее научный руководитель сформулировал это так: «Вы должны ценить великодушные советской системы, которая и так дала вам незаслуженно много».

После того как потрясение уступило место гневу и негодованию, Женя стала искать логичные рациональные объяснения, но их не было. Поиски вывели ее на подпольную еврейскую программу в Москве — тут и зажглась первая искра ее возвращения к еврейству.

Семьдесят пять лет коммунистического правления подходили к концу. Советская империя разваливалась. Наконец-то открылись двери свободы. Сотни тысяч евреев собирали чемоданы, уезжали в Израиль и другие страны. Некоторые оставались — у каждого были на то свои личные причины. Считается, что на данный момент в бывших республиках Советского Союза проживает около двух миллионов евреев.

Исход продолжался, в страну хлынули всевозможные еврейские организации, чтобы посодействовать эмиграции тех евреев, которые решили уехать, и оказать социальную, религиозную и образовательную помощь тем, кто оставался. В основных центрах проживания евреев открывались воскресные школы и программы обучения для взрослых. Американский еврейский распределительный комитет («Джойнт») особенно активно оказывал вспомоществование бедным и пожилым.

В 1990-е годы Женин интерес к русской литературе уступил место интересу к еврейскому образованию. Она воспользовалась представившимися возможностями, овладела в совершенстве ивритом, принялась изучать еврейскую традицию и культуру. Благодаря педагогическим способностям, познаниям и интересу к еврейской жизни она вскоре добилась признания, ее пригласили на полугодовую учебную программу Мелтона в Педагогической школе Еврейского университета в Иерусалиме. По возвращении в Россию Женя получила предложение возглавить театральную студию недавно открывшегося Московского еврейского универ-

ситета. Эти новые обязанности добавились к работе с детьми в воскресной школе.

Женя вернулась из Иерусалима в июне 1993 года, а в декабре мы с ней познакомились в Москве.

Трехчасовое чтение — начало всего

Сам я включился в борьбу советских евреев за свои права в начале 1970-х годов. На активные действия меня подвигло прочтение «Евреев молчания» Эли Визеля, где описывались трагические реалии жизни евреев в СССР. Редко случается, чтобы трехчасовое чтение навсегда изменило вашу жизнь. Визель описывает тысячи глаз евреев, которые он видел в СССР:

...на улицах и в гостиницах, в метро, концертных залах, в синагогах — особенно в синагогах. Они ждали меня, куда бы я ни пошел. Порой мне казалось, что вся страна состоит из одних глаз, будто они собрались туда со всех концов диаспоры, сошли с древних свитков отчаяния. <...> Еврейские глаза, в которых отражена странная неприкрытая реальность, за гранью времени, дальше самого далекого далека. <...> Наверное, такие глаза были у самого Бога. И Он тоже ждет воздаяния.

Память об этих глазах и о том, что они пытались сказать, осталась со мной — и мне захотелось по мере сил помочь своим братьям.

Я родился в Тель-Авиве, но после бар-мицвы переехал вместе с семьей в США. Мое мировоззрение, как и мировоззрение многих моих сверстников, сформировал холокост. Мой отец был одним из пятнадцати детей почтенной семьи из Венгрии, его же отец был известным судьей раввинистического суда и одним из глав общины. В 1937 году отца призвали в венгерскую армию, где он подвергся таким жестоким антисемитским нападкам, что дезертировал и на первом подвернувшемся судне отплыл в Палестину. Именно это стечение обстоятельств его и спасло. Из всей

его семьи холокост пережили только две сестры: одна еще до войны уехала из Европы — последовала за возлюбленным в Мексику, а еще одна уцелела в Освенциме; все остальные погибли. В Палестине отец встретил мою маму Белу, вскоре они поженились и вырастили троих детей: Энди, Рейчел и меня.

Не помню, чтобы дома у нас говорили о холокосте. О том же рассказывают и мои сверстники, взрослые в то время в домах родителей из Европы. О трагедии, унесшей жизни стольких родственников, речь заходила редко. Люди будто бы стыдились того, что уцелели. Но хотя разговоров и не велось, тема, видимо, витала в воздухе — первые мои воспоминания о ней относятся к раннему детству, когда я с азартом собирал марки. Мне подарили немецкие марки с портретами Адольфа Гитлера. Помню, с каким удовольствием я их сжег. Мне тогда было пять-шесть лет — видимо, рассказы о холокосте уже тогда произвели на меня сильное впечатление. «Пусть не повторится» навсегда стало моим девизом.

В студенческие годы и впоследствии, когда я стал молодым раввином, я научился применять тот же девиз — «Пусть не повторится» — к положению евреев в СССР. Мне не хотелось, чтобы этих евреев постигла та же судьба, которая постигла их собратьев почти повсюду в Европе во времена моих родителей.

В двадцать семь лет я, с девятнадцатью коллегами-раввинами, попал в полицейский участок Сан-Франциско. Мы приковали себя к воротам советского консульства, чтобы привлечь внимание всего мира к невыносимым условиям, в которых живут евреи в СССР. Мы выкрикивали: «Let my people go!»¹ — эти слова успели стать боевым кличем всех свободолюбивых людей по всему миру. Шел 1973 год, я проходил второй год обучения на раввина в Консервативной синагоге мозаичного закона в Сакраменто, штат Калифорния. Я был раввином-«активистом»: помимо служения занимался общественной работой и поддерживал Государство Израиль и угнетенных евреев. Большинство моих

¹ Цитата из Книги Бытия (5:1) — слова Моисея, обращенные к фараону, с требованием отпустить евреев из Египта. В русском переводе — «отпусти народ мой».

прихожан одобряли эту мою внеслужебную деятельность, но были и такие, кто открыто выражал свое неудовольствие. Но я продолжал этим заниматься все тринадцать лет, которые прожил в Сакраменто.

Алия

С самого дня своего знакомства в «Раме», еврейском лагере в Массачусетсе, где можно было остановиться на ночь, мы с Джуди начали обсуждать наше общее желание переселиться в Израиль. Даже в приглашении на нашу свадьбу отразились наши сионистские устремления: мы с гордостью сообщали, что брак наш состоится 20 сентября 1970 года, то есть в четвертую годовщину воссоединения Иерусалима. Через два года мы перебрались в Сакраменто, где я занял пост раввина в Конгрегации мозаичного закона. Мы с Джуди рассчитывали, что за два года моего служения сможем скопить достаточно денег на то, чтобы потом начать жизнь в Израиле. Не скопили, но «достаточно» — это сколько? Помимо прочего, мы не приняли в расчет, что нас могут задержать семейные и иные дела. При всех наших добрых намерениях и самодисциплине, нам не удалось оперативно сняться с места и уехать в Израиль. Запланированные два года растянулись на тринадцать прекрасных, очень продуктивных лет, проведенных в Сакраменто. Когда в 1983 году члены совета синагоги завели со мной речь о пожизненном договоре, мы с Джуди решили: пора в дорогу. Мысль остаться в Сакраменто до самой пенсии выглядела соблазнительно, но нам хотелось осуществить свою мечту, и мы поняли, что пора переходить от слов к делу. С великой радостью, к которой примешивался некоторый трепет, мы с Джуди, а с нами четверо наших детей, Йонит, Эйяль, Ронен и Ависар, совершили в июле 1985 года алию в Израиль. Теперь, через много лет, оглядываясь вспять, я понимаю, что переезд в Израиль стал правильным решением для нашей семьи, и хотя жизнь здесь порой и нелегка, мы не хотели бы жить ни в каком другом месте.

Мозаика

Каждое последующее событие — важное, судьбоносное (о них речь пойдет далее) — становилось кусочком мозаики, которая, складываясь, в итоге возродила мой интерес — некоторые называют его маниакальным — к деятельности на благо советских евреев. Все эти переживания так или иначе укрепили мою решимость найти способ поучаствовать в борьбе советских евреев, в их поисках свободы и возможности уехать из страны.

Слова Моисея, обращенные к фараону, властителю Египта, «Отпусти народ мой», стали кличем борьбы за права советских евреев; по созвучию с ними образовано и оригинальное заглавие этой книги.

Когда мы приехали в Израиль, было неясно, как мы будем кормить семью. Мы решили открыть свой бизнес — «Жилье в Израиле». Мы предлагали туристам, приезжавшим в нашу страну, недорогой ночлег, давая им координаты людей, у которых была свободная комната и которые хотели ее сдать. По счастью, я довольно скоро нашел работу в Еврейском университете — стал руководителем летних и специальных учебных программ, а бизнесом осталась руководить Джуди.

В феврале 1986 года я получил телеграмму от одной ирландской пары: они собирались приехать в Еврейский университет на летнюю программу, им нужно было снять жилье в Иерусалиме. Я просмотрел газету «Джерусалим пост» и подыскал квартиру на эти даты. Позвонил туда, ответила женщина, говорившая с сильным венгерским акцентом. Я сообщил ей, что моя семья тоже из Венгрии. В конце разговора она задала мне, на первый взгляд, странный вопрос: «Вы — из Гольдманов? Ваша семья из Венгрии? Вы из коэнов (членов клана жрецов)?» Я спросил, почему ей это интересно, хотя прекрасно знал ответ. Она ответила: отец когда-то сказал ей, что, если ей встретится Гольдман из Венгрии и при этом коэн, это ее родственник. Я ей ответил: отец велел мне задавать при случае тот же самый вопрос. Клара Фридер сорок лет проработала кассиром в банке «Мизрахи», на ее пути встречалось много Гольдманов, но ни один не оказался членом *мишпохи*.

Дальше нам нужно было разобраться, в каком мы с ней родстве. Оказалось — дедушки наши были братьями. Их семья жила в городе под названием Кошице в Словакии, рядом с венгерской границей и городом моих предков Бодрогкережтуром. Клара вспомнила, что перед войной у них гостила двоюродная сестра из Бодрогкережтура. Она приехала повидаться с братом, венгерским солдатом, служившим в тех краях. В доме у них она прожила два с лишним месяца, молодые женщины крепко подружились. Клара поинтересовалась, знал ли я эту родственницу — звали ее Адель.

Адель — моя тетка, она выжила в Освенциме, где погибла семья Клары. После войны Адель переехала в Лос-Анджелес, вырастила там прекрасных детей. Одна из двух ее дочерей, Джуди, совершила алию и теперь жила вместе с семьей в Тивоне, под Хайфой. Через несколько месяцев, когда Адель приехала в Израиль навестить дочь, двоюродные сестры встретились после полувековой разлуки.

Меня очень тронула эта история — обретение давно потерянной родственницы, почти чудесное воссоединение семьи, разлученной холокостом: напоминание о том, что в отдельной жизни каждого еврея случаются непредсказуемые повороты, взлеты и падения, но всем нам дан Богом дар помогать другим, определять и формировать будущее — и свое, и общее.

Секретное задание

Вскоре после нашего приезда в Израиль мне представилась возможность посетить СССР. В марте 1988 года мой друг и коллега рабби доктор Шауль Файнберг пригласил меня присоединиться к выполнению секретного задания в Москве, Ленинграде и Минске для тайной на тот момент организации «Лишкат ха-кешер» (Бюро по связям), более известной как «Натив», — она действовала под эгидой канцелярии премьер-министра. Под видом американского университетского преподавателя и бизнесмена, совершающих туристическую поездку по СССР, мы должны были ввезти в страну запрещенные просветительские материалы для евреев, устано-

вить контакты с еврейскими активистами, прочитать перед большими аудиториями лекции о евреях и Израиле.

Началась поездка с перелета из Тель-Авива в Лондон, где в гостинице мы встретились с сотрудницей «Натива». Она передала нам американские паспорта — по ним невозможно было сказать, что мы как-то связаны с Израилем. Кроме того, она вручила нам несколько предметов культа и всевозможные материалы, которые мы должны были ввезти в СССР, — в том числе и видеомагнитофон для передачи одному человеку в Москве. Я очень удивился и заметил: «Видеомагнитофон — не такая маленькая вещь. Как мы ввезем его контрабандой в СССР?» Сотрудница кратко ответила: «Что-нибудь придумаем».

Мы прибыли в московский международный аэропорт Шереметьево — темный, угрюмый, неприятный, в чем-то даже пугающий. Встали в длинную очередь на таможню, зная, что багаж наш просветят рентгеном. Я пытался придумать, что делать с видеомагнитофоном, и тут вспомнил, как нас инструктировали в Тель-Авиве: изображайте из себя заносчивых американцев — сварливых, нетерпеливых и наглых. Когда пришла моя очередь класть багаж на рентген, я намеренно стал все делать очень медленно — вещи на ленту ставил по одной, дожидался, когда предыдущий предмет появится с противоположной стороны, и только тогда ставил следующий. Понятное дело, люди в очереди заворчали и стали возмущаться; таможенник прикрикнул на меня по-русски, чтобы я пошевеливался, а я в ответ рявкнул на него по-английски, укрепив, к собственному сожалению, представление о том, какие бывают «противные америкашки»; все это время я ногой потихоньку подталкивал вперед коробку с видеомагнитофоном. Таможенник продолжал упоенно орать, чтобы я не валял дурака, он был полностью поглощен своей злобой; в результате все мои вещи оказались на другом конце ленты, видеомагнитофона таможенник так и не заметил. Я на миг задумался, не сделаться ли мне профессиональным контрабандистом.

В СССР первым пунктом посещения должен был стать Ленинград. Из международного терминала московского аэропорта нас перевезли во внутренний, оттуда мы полетели в Ленинград. Мы

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru